

Мы слишком взрослые люди

Мы слишком взрослые люди,
чтобы в словах теряться.
Мы знаем, чего не будет
после кофе и танцев.

Мы знаем, зачем не будет,
мы знаем все фазы улыбок,
и ноль вероятности чуда
после трёх сотен ошибок.

Мы слишком взрослые люди,
как кофе, горчит наша память,
что помнит три сотни прелюдий.
Некупленных роз шипами

уже исколоты пальцы.
Мы знаем итог раньше срока.
Поэтому максимум – танцы
в тончайшей вуали намёков.

Не буду звонить,
не буду писать.
Из фото твоих
не сделаю фетиша.
Только заплачу,
если опять
пройдёшь и меня
не заметишь...

Смирение – очень
трудная вещь.
Я соглашаюсь
на поражение,
тебе чтоб
свободу воли сбечь...

Всего лишь заплакать –
это уже достижение.

Когда до конца света останется несколько минут,
я оборву провода,
но дозвонюсь по тому номеру,
который я обычно не помню,
и задам тебе только один вопрос,
но так,
чтобы ты не успел ответить,
чтобы Вселенная им подавилась,
чтобы надежда осталась вечной.
Я дозвонюсь, это я обещаю,
только вот пусть сначала всё рухнет.

Её имя

Повторяй как молитву, шепчи её имя!
Надейся, тратя массу усилий,
что тебя не замети,
что – проскочу мимо
я, пробивающая время навывлет,
я, обречённая жить в движении,
оставляющая после себя разорванность.
(Я даже не помню своей тени,
распластанной где-то под травами сорными,
оставшей на слишком крутом повороте,
застывшей в чьих-то мечтах альковных...).
Думаешь, меня остановит кто-то,
засевшую в тебе крючком рыболовным?
Сколько так было в необозримом
прошлом, спёкшемся до монолита!
Хочешь – зови меня её именем.
Не пропадать же добру и молитвам!
А позже, когда нас догонит тень
и вырастут травы на кухонных плитках,
пахучие, дикие – до колен,
ты, может, удержишь меня от ошибки,
меня, не привыкшую к постоянству,
меня, всех видящую чужими,
ты не отпустишь с тем же упрямством,
с каким сейчас твердишь её имя...

Выплатила долги с такими процентами,
что хватило бы на постройку
новых воздушных замков.
Воздух сейчас дешевле цемента,
но стоит сколько-то денежных знаков.

Банк в казино «Взаимость» опять
сорвала не я,
но были добры ко мне кредиторы,
зная,
что, скопленной жизнью звеня,
я постучусь к ним достаточно скоро.

И кивнув Судьбе – а ну, обломи! –
вновь поставлю всё, что имею ныне,
на любимые зеленофоновые нули,
на одно единственное мужское имя.

Заложное в генах

Он что-то ищет во мне,
как косточку в абрикосе.
Считает: это и есть
я настоящая.

Он уверен –
при постановке любого вопроса
ищущий и только ищущий
да обрящет.

Что только твёрдое
сможет противостоять
вечности.

Что в работе со временем
нужны чёткость формы
и точность.

Он не знает, что внутри меня
растёт деревце,
для которого время –
всего лишь почва.

Подростки

Они считают – взрослые мешают
И всё решают часто крайне грубо.

Они считают, что земля – не шар,
и запинаятся об эти грани куба.

Что вы хотите – режется душа
с не меньшей нервотрёпкою, чем зубы.

Я понимаю – заложено в генах.
Только вот в чьих? – родословная, подскажи!
Шестилетняя дочь говорит:
«Эти колготки я не надену,
у Маши из одиннадцатой группы –
точно такие же».

Ночами без сна компенсирую дни.
Кофе крепок настолько, что надо откусывать.
Но волосы из-под рыжей брони
отрастают, как в детстве, нетронутыми-русыми.

Мне опять выпадает червонная масть,
в пику пикам
десятком сердечек кровавится.
Я знаю, что красное – это власть,
но и вместе с любовью она мне не нравится!

А значит,
я снова останусь одна.
Такой немудрёный итог философий.
И снова заваривается хна,
и растворяется чёрный кофе.

Это какая-то магия,
это не по приколу,
она приходит из школы
и жарит наггетсы.

Одна. Сама. В свои восемь.

У меня от фантазий
на тему газа
пытаются поседеть волосы.

А, казалось бы, вот недавно:
«Мама, дай ручку,
я без тебя не усну».
А сейчас она думает,
как бы не очень легально
напоить чаем подружку.

Мир розовых пони треснул, как кружка,
и тихо пошёл ко дну.

И я начинаю бояться,
ведь впереди: десять, двенадцать, шестнадцать...

Первый зуб

Открой ротик, доча!
Покажи маме её награду
за бессонные ночи,
за уговоры, что плакать не надо,
за круги по квартире
и под глазами застывшие сны.
Покажи маме, доча,
этот кусочек,
эту жемчужинку
на вершине десны.